

ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

БОКОВ

Тимофей Александрович,

выпускник аспирантуры каф. истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ, третий секретарь, Министерство иностранных дел РФ (119200, Россия, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34).

E-mail: timofejbokov@gmail.com

Введение

Хуситское движение — это религиозно-политическое военизированное движение йеменских шиитов-зейдитов¹. Несмотря на почти двадцатилетнюю историю, изучено оно довольно слабо. Из заслуживающих внимания исследований необходимо отметить развёрнутый доклад американского аналитического центра RAND «Режим и периферия в северном Йемене: хуситский феномен»² и две работы йеменского исследователя А. Дагаша: «Хуситы. Хуситский феномен: магистральное исследование»³ и «Будущее хуситского движения и пути сосуществования»⁴. Однако эти работы, написанные до 2012 г., не учитывают кардинальных изменений йеменского

Аннотация. На основе историко-социологического анализа практик политической репрезентации, используемых движением хуситов, устанавливается их тесная связь с традиционными для Северо-Западного Йемена социальными паттернами. Выдвигается предположение, что эта связь сыграла важную роль в политических успехах, которых удалось достичь хуситам в последнее время. Отмечается, что превращение хуситов в доминирующую политическую силу страны произошло после завершения формирования символической базы движения, значительная часть которой возникла как реакция на внешние раздражители: усиление в Йемене позиций салафитов и неоколониальная политика Запада.

Ключевые слова: Йемен, политический ислам, зейдизм, хусизм, Хусейн ал-Хуси.

УДК 329.3

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-2-187-204

¹ Зейдизм — одно из наиболее умеренных направлений шиизма, появившееся в VIII в. н. э. Формировалось под влиянием мутаизма — рационалистической школы исламского богословия. См.: Ислам: Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1991. С. 73–74.

² Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen. The Huthi Phenomenon. RAND Corporation, 2010.

³ الحوثيون: الظاهرة الحوثية: دراسة منهجية، أ.د. أحمد محمد الدغشي. صنعاء، 2009

⁴ مستقبل الحركة الحوثية وسبل التعايش. أ.د. أحمد محمد الدغشي. صنعاء، 2012

политического ландшафта, произошедших в 2013–2016 гг., в результате которых хуситы де-факто пришли к власти в стране, установив контроль над большинством северных провинций и столицей Йемена городом Сана. Такой ход событий требует более глубокого и всестороннего анализа истории, философии и идеологии хуситского движения.

Представляется важным также изучать антропологию движения, исследовать конкретные формы его функционирования в йеменском обществе. Так, в настоящей статье мы предпринимаем попытку рассмотреть практики политической репрезентации хуситского движения и провести их историко-социологический анализ.

Символическая репрезентация политической идеи в аудио- и/или визуальном образе — один из основных способов коммуникации политических движений со своими сторонниками. Транслируемые таким образом идеологические и социокультурные установки легко воспринимаются целевой аудиторией и позволяют эффективно конструировать её идентичность. В условиях йеменского общества, уровень грамотности и образованности которого достаточно низок¹, этот способ приобретает особую значимость.

Теория репрезентации как представления познаваемого явления с помощью посредников, будь то символ, знаковые системы или что-либо иное, развита в трудах Х.-Г. Гадамера («Истина и метод»), Ж. Деррида («О грамματοлогии»), М. Хайдеггера («Бытие и время»), М. Вартофского («Модели. Репрезентация и научное понимание»), Ф. Анкерсмита («Политическая репрезентация»). Для настоящего исследования особую важность представляют, как нам кажется, два постулата. Согласно первому из них репрезентация есть результат процесса, в котором «бытие обретает осмысленное и видимое проявление»². Второй гласит, что репрезентация «включает в себя познающего субъекта» и производит синтез, являющийся «призывом... занять место или *идентифицировать* себя с определённой позицией»³.

Таким образом, изучение конкретных практик репрезентации как видимого проявления бытия, которое способно влиять на поведение индивидов, должно вести к более полному пониманию политического процесса. В нашем конкретном случае оно должно позволить лучше понять причины политического успеха хуситов и точнее прогнозировать дальнейшее развитие движения.

¹ Так, по данным сайта [cia.gov](https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ym.html) только 70,1% йеменцев старше 15 лет умеют читать и писать. [Электронный ресурс] CIA World Factbook / URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ym.html> (дата обращения: 21.05.2017).

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 190.

³ Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. С. 286.

Настоящая статья состоит из обзора северийеменского¹ общества, краткого очерка истории хусизма, описания и анализа основных символов (образов) и методов политической репрезентации, характерных для хуситского движения.

Северный Йемен: социологический обзор

Поскольку в данной статье предпринята попытка социокультурного анализа некоторых современных йеменских политических практик, необходимо хотя бы в общих чертах дать социологическую характеристику Северного Йемена.

Население Йемена (около 26,5 млн человек) монолитно этнически, но неоднородно по своему конфессиональному составу. Мусульман — 99,1%, из них примерно 65% — сунниты, остальные 35% — шииты, среди которых преобладают зейдиты. Шииты в основном проживают в центральных и северных областях, где они составляют около 50% населения. Южане же в большинстве своём исповедуют суннизм².

Ключевым институтом северийеменского общества остаётся племя (преимущественно оседлое), а члены племени — кабили — составляют его основу. В тесной увязке с племенем существует прослойка *сеййидов* — религиозной аристократии, декларирующей своё происхождение от пророка Мухаммада. Сеййиды вместе с *кади* (сословие юристов и богословов) на протяжении многих веков формируют значительную часть йеменской административной элиты. Будучи пришельцами с севера (потомками Аднана, легендарного родоначальника северных арабов), сеййиды, в отличие от кади, не являются членами племён, но вовлечены с ними в сложные отношения, которые можно охарактеризовать как обоюдные патроно-клиентальные, где каждая из сторон играет обе роли: племя защищает сеййидов, проживающих на его территории, при этом пользуясь их услугами как религиозных авторитетов и медиаторов в спорах, а также повышая за их счёт свой статус.

Ниже племени в общественной иерархии находятся его клиенты арабского происхождения и метисы, преимущественно потомки выходцев из Африканского рога.

Племена состоят из семей и кланов и обычно объединены в крупные конфедерации. Религиозная принадлежность индивида здесь может

¹ До 1990 г. на территории современного Йемена существовало два государства: с 1962 г. Йеменская Арабская Республика (ЙАР, «Северный Йемен») и с 1967 г. — Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ, «Южный Йемен», до 1970 г. называлась Народной Республикой Южного Йемена). Мы оставляем «за скобками» Южный Йемен, который по ряду параметров существенно отличается от Северного и не имеет прямого отношения к теме данной статьи.

² [Электронный ресурс] CIA World Factbook / URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ym.html> (дата обращения: 26.02.2017).

быть весьма подвижной, а внутри племени вполне могут сосуществовать как зейдиты, так и сунниты-*шафииты*¹, и даже салафиты².

Слабое проникновение государства в жизнь племён, характерное для этой местности едва ли не на протяжении всей письменной истории³, обуславливает высокую степень их самоорганизации и саморегуляции, которые обеспечиваются с помощью традиционных институтов, таких как *хиджра* (постановка под защиту индивидом/кланом/племенем человека или объекта), *шараф* (честь индивида или коллектива), *ыб* (оскорбление, нарушение шарафа индивида или коллектива) и т. д. Подробнее эти понятия будут рассмотрены нами ниже.

Краткий очерк истории хусизма

Начиная с X в. н. э. на севере Йемена в том или ином виде существовала зейдитская государственность. В результате революции 1962 г. к власти в стране пришли светски и секулярно настроенные силы, декларировавшие курс на разрыв с кланово-племенной структурой общества. Несмотря на то, что зейдиты как таковые не были полностью исключены из власти, позиции зейдитской элиты — *сеййидов* — существенно пошатнулись⁴.

В конце 1980-х гг. в общественно-политической жизни зейдитов главным образом северо-западной провинции Саада, которая исторически является их оплотом, начался своеобразный «ренессанс». Его причины рассмотрены в упоминавшейся монографии центра RAND. В частности, отмечаются следующие факторы: введение после революции 1962 г. всеобщего школьного образования, существенно повлиявшего на формирование зейдитской идентичности; упрощение коммуникации населения зейдитских провинций благодаря росту внутренней мобильности и развитию новых технологий связи и СМИ; увеличение внешней мобильности, знакомство йеменцев и, в частности, зейдитской элиты, с общественно-политическим, экономическим и идеологическим опытом других стран; необходимость противостоять активно проникавшим в регион (не без поддержки Саудовской Аравии и молчаливого согласия центральных йеменских властей) салафитским идеям⁵.

¹ Шафиизм — умеренная суннитская богословско-правовая школа. Большинство проживающих в Йемене суннитов являются её приверженцами. См.: Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 295–296).

² Здесь и далее термин «салафизм» используется как зонтичное понятие для обозначения радикальных направлений суннизма.

³ *Коротчаев А. В.* Социальная история Йемена (X в. до н. э. — XX в. н. э.). Вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: URSS, 2006. С. 112–141.

⁴ Новейшая история Йемена (1917–1982) / под общ. ред. О. Г. Герасимова. М.: Наука, 1984. С. 78–112.

⁵ *Salmoni B. A., Loidolt B., Wells M.* Regime and Periphery in Northern Yemen. The Huthi Phenomenon. RAND Corporation, 2010. P. 5–6.

К началу 2000-х гг. лидером зейдитского «возрождения» стал Хусейн ал-Хуси, видный общественно-политический деятель, принадлежавший к известному сеййидскому роду.

В 2001 г. правительство Йемена было вынуждено примкнуть к масштабной антитеррористической кампании, запущенной США после атак 11 сентября¹. Ал-Хуси и его сторонники выступили с резкой критикой этого решения, расценив его как предательство идеалов исламского мира. Возможное ухудшение отношений с Вашингтоном из-за антиамериканских выступлений хуситов (кстати, именно тогда они получили это название), а также активные действия салафитского лобби в йеменских силовых структурах и стремление Саны установить более плотный контроль над северо-западными провинциями страны обусловили начало открытых столкновений между властями и хуситами, продолжавшихся на протяжении 2004–2010 гг.² В ходе первого же конфликта Хусейн ал-Хуси был убит. Новым лидером движения стал его младший брат Абдельмалик ал-Хуси.

В 2011 г. хуситы поддержали йеменскую «арабскую весну» и таким образом легитимизировали себя в политическом пространстве страны. В 2013–2015 гг., воспользовавшись политическим вакуумом, образовавшимся после ухода с поста президента страны Али Абдаллы Салеха, они провели ряд наступательных операций, сперва очистив Саад, свою базовую провинцию, от салафитов, а затем поставив под контроль соседние провинции. В сентябре 2014 г. на волне широкого общественного недовольства провальной экономической политикой переходного правительства хуситы с боем (против них выступили армейские части, лояльные йеменским Братьям-мусульманам³) взяли Сану. К апрелю 2015 г. практически весь Северный Йемен оказался под их контролем. Переходный президент Йемена Абдураббо Мансур Хади и некоторые члены правительства эмигрировали из страны. После попытки хуситов поставить под свой контроль южную столицу Йемена город Аден Саудовская Аравия и её союзники начали военную операцию против хуситов⁴, продолжающуюся по сей день.

¹ У руководства Йемена, как представляется, не было иного выхода: террористическая атака на американский эсминец «Cole», произошедшая в Адене в 2000 г., закрепила за Йеменом репутацию страны с высоким уровнем террористической угрозы. К тому же ещё памятли были жёсткие санкции, под которые Йемен попал за то, что не осудил агрессию Ирака против Кувейта десятилетием ранее.

² *Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen. The Huthi Phenomenon. P. 124–127.*

³ Братья-мусульмане — международная религиозно-политическая организация, в основе идеологии которой — суннизм радикального толка. Образована в 1928 г. в Египте.

⁴ Саудовская Аравия крайне обеспокоена возможностью «экспорта» шиитского восстания в свои нефтеносные провинции на юге и востоке, в которых проживает значительное число шиитов. На момент написания статьи военная операция продолжалась.

Лозунг

Лозунгом хуситов является т. н. *сарха* (ар. «крик») — разработанная Хусейном ал-Хуси формула, гласящая: «Бог велик! Смерть Америке! Смерть Израилю! Проклятие иудеям! Победа — исламу!»

В соответствии с лекциями ал-Хуси *сарха* является своеобразным ответом на агрессивные дискурсы, навязываемые мусульманскому миру Западом¹. Текст *сархи* был во многом обусловлен историческим контекстом: она была впервые озвучена ал-Хуси в 2002 г., когда он и его сторонники выступили резко против участия Йемена в масштабной антитеррористической кампании, начатой американцами после терактов 11 сентября. Неслучайно, что отправной точкой *сархи* стали слова «Смерть Америке!» — один из лозунгов исламской революции в Иране².

На первый взгляд *сарха* направлена исключительно против внешней экспансии, а главная цель хуситского движения — противостояние США и Израилю. Однако на деле у хуситов совсем другие основные задачи, а *сарха* используется в принципиально ином качестве.

Во-первых, полностью понять смысл *сархи* помогает другой ключевой постулат идеологии, разработанной ал-Хуси, а именно — представление об избранности *зейдитов*. Об этом он прямо говорит в ряде своих лекций: «Действительно, справедливо высказывание о том, что мы [*зейдиты*. — Т. Б.] — люди истины...»³, «Именно *зейдиты* на протяжении всей истории представляют собой общину, борющуюся за правое дело»⁴ и т. д. Вне текста лозунга, как бы на его обратной, невидимой, но понятной аудитории стороне, осталась другая идея: тот, кто принимает этот лозунг (а это в первую очередь *зейдиты*), стоит на верном пути и ратует за правое дело. То есть *сарха* использовалась для конструирования идентичности сторонников зарождающегося движения через противопоставление их «Другому», в роли которого выступили Запад и Израиль.

Во-вторых, злободневность лозунга явилась одной из важных причин резкого обострения отношений между хуситами и центральной властью. В Санае и Сааде за его скандирование было арестовано множество

¹ Ярким проявлением таких дискурсов ал-Хуси считал термин «терроризм», который, по его мнению, был использован Западом для ослабления позиций мусульманского мира. См., например: *Al-Huthi H. Al-Irhab wa-s-salyam*.

² Х. ал-Хуси был хорошо знаком с иранским опытом. В его лекциях неоднократно встречаются цитаты из Аятоллы Хомейни, а сам Иран преподносится как пример противостояния Западу. См.: *Al-Huthi H. Khatr dukhul Amrika al-Yaman*, P. 6; *Al-Huthi H. Man nahnu wa man hum*, P. 7; *Al-Huthi H. Khuturat-al-marhalya*, P. 1.

³ *Al-Huthi H. Khuturat-al-marhalya*, P. 9.

⁴ *Al-Huthi H. Al-Sarkha fi wajh al-mustakbarin*, P. 19.

хуситских активистов. То есть власть осознала ориентацию сархи на «внутренний рынок», истолковав скрытый в ней упрёк в свой адрес. К схожему заключению приходит и итальянский антрополог Лука Невола, работавший в Йемене в начале 2010-х гг.¹ Именно жёсткая реакция властей не в последнюю очередь способствовала превращению сархи в главный лозунг движения.

Учитывая непрекращающуюся зависимость Йемена от зарубежных игроков, сарха и до сих пор направлена в первую очередь против внутрийеменских оппонентов хуситов, будь то власть, которая, по их мнению, слишком тесно сотрудничает с США и европейскими странами, или политические оппоненты хуситов, пользующиеся поддержкой внешних акторов (например, салафитские круги, связанные с Саудовской Аравией, которая расценивается хуситами как сателлит США).

Сам ал-Хуси также настаивал на метафорической трактовке сархи, утверждая, что её слова не являются прямым призывом к уничтожению американцев и евреев, а лишь критикуют внешнюю политику США, марионеточность йеменского правительства и глобализацию в целом².

Об этом же свидетельствует и внутренняя связь сархи с традиционными для йеменских зейдитов представлениями о роли имама. В зейдизме, в отличие от других направлений шиизма, имамом может стать любой потомок Пророка, причём имам не считается непогрешимым носителем истины. При этом одной из наиболее важных черт имама как лидера является его способность сражаться за веру³. Именно призывы к такой борьбе и составляют основу сархи.

Таким образом, сарха имеет сразу несколько функций:

- 1) конструирование идентичности сторонников движения через противопоставление себя «Другому»;
- 2) выдвижение скрытых, но существенных претензий йеменским властям;
- 3) укрепление позиций Хусейна, а затем Абдельмалика ал-Хуси как духовных и политических лидеров;
- 4) выражение представлений хуситов о внешней угрозе.

При этом лозунг, лишённый каких-либо узких шиитских коннотаций, даёт движению потенциальную возможность выйти за пределы зейдитской общины, что важно в условиях поликонфессионального йеменского общества.

¹ Nevola L. Ramadan in Bani Matar // Yemen Times. 2014. July 24.

² Yemen Times. 2013. June 17. P. 5.

³ Kohlberg E. Some Zaydi views on the companions of the Prophet // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. Vol. 39. 1976. No. 1. P. 91.

Визуальные образы

Сарха: основным визуальным образом движения является сарха, записанная в пять строк в зелёных (рамка, первая и последняя строки) и красных тонах (три срединные строки лозунга) на белом фоне (рис. 1). Именно такими изображениями хуситы маркируют сами себя, помещая их на свои дома, автомобили, блокпосты, оружие и т. д.

Ещё до захвата Саны сторонники хуситского движения активно использовали в политических целях городское пространство (особенно его историческую часть, что, видимо, объяснялось большим числом проживавших там сторонников хуситов), размещая изображения сархи на стенах зданий, оградах и т. д. Местными жителями такие действия воспринимались не столько как политическая агитация, сколько как акция, символизировавшая установление территориального контроля над «сердцем» йеменской столицы¹.

Уже после захвата Саны хуситы драпировали баннерами с сархой дома своих оппонентов, бежавших из Саны. Так, в частности, произошло с санаанской резиденцией Али Мохсена — видного йеменского генерала, сторонника местных Братьев-мусульман и одного из наиболее последовательных противников хуситов².

Практика «унижения» соперника посредством нанесения «оскорбления» его жилищу распространена в Йемене и связана с двумя понятиями. Первое из них — *шараф* — честь индивида или группы индивидов. Материальным воплощением шарафа могут быть принадлежащие его обладателю земля, дом, а также его клиенты и гости, находящиеся на его территории.

Второе понятие — *ыб* (араб. «стыд, оскорбление») — обозначает оскорбление индивида или коллектива, в том числе посредством нанесения ущерба материальным воплощениям его шарафа. Например, убийство гостя бесчестит хозяина. При этом необходимо понимать, что

Рис. 1. Сарха

¹ Al-Khayat M. Whose Old Sana'a? // Yemen Times. 2014. September 2.

² Al-Sakkaf N. Ali Mohsen's House: A Museum with Houthi Tour Guides // Yemen Times. 2014. November 4.

ыб наносит вред в первую очередь общественной репутации человека. Носитель североиеменской общественной культуры не может нарушить чей-то шараф, не осознавая последствий этого поступка для потерпевшей стороны.

Таким образом, водружение баннеров с сархой на дома противников, без всякого сомнения, носило символический характер, первоочередной целью этого действия было моральное унижение поверженного соперника, нанесение ему социального оскорбления путём осквернения объекта, на который распространяется его шараф¹.

Образ Хусейна ал-Хуси: Хусейн ал-Хуси принадлежал к сеййидскому роду, был видным проповедником, бесстрашно обличал несправедливую власть, радикальный суннизм и западную политику. В конце жизни ему довелось ступить на путь военного сопротивления и пасть, сражаясь за своё дело. Можно без преувеличения сказать, что мученическая смерть стала его последним и едва ли не важнейшим политическим актом: она завершила образ идеального лидера².

Неудивительно, что в итоге вокруг фигуры ал-Хуси сложился настоящий культ³, а его портреты (рис. 2) наряду с изображениями Абдельмалика ал-Хуси стали визуальными символами движения⁴.

Рис. 2. Портрет основателя движения, который сопровождает надпись: «Лидер-мученик господин Хусейн Бадреддин ал-Хуси. Да будет доволен им Господь!»

¹ В Йемене также широко распространена практика сноса родовых имений политических оппонентов. Так поступал в своё время имам Ахмад. См.: *Dresch P. A History of Modern Yemen*. Cambridge, 2000. P. 84–85. Да и сами хуситы (Al-huthiyun yufajjirun manzil ash-sheikh al-Ahmar fi-l-khamri bi 'Amran. [Электронный ресурс] Al-Masdar Online // URL: <http://almasdaronline.com/article/54286> (дата обращения 21.05.2017)).

² В XX в. в Йемене получило распространение учение об имаме — восстановителе истинной религии, причём восстанавливать её можно путём распространения знаний и военным путём, а также совмещая оба варианта (чем, собственно, и занимался А. ал-Хуси). См. подробнее: *Lan-dau-Tasseran E. Zaydi Imams as restorers of religion: ihya and tajdid in Zaydi Literature // Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 49. 1990. No. P. 247–249.

³ Из косвенных источников известно, например, что ряд сторонников движения называет его «Кораном» и «Истиной». Справедливости ради необходимо отметить, что такое отношение к нему подвергается критике внутри самого движения. См.: *Al-Mohattwary A. Al-Houthi Shrine Raises Controversy among Yemenis*. [Электронный ресурс] National Yemen // URL: <https://nationalyemen.com/2014/06/01/al-houthi-shrine-raises-controversy-among-yemenis> (дата обращения: 21.05.2017).

⁴ Подобное отношение к лидерам свойственно едва ли не всем шиитским политическим движениям современности: в Ливане популярны портреты шейха Насраллы, в Сирии — алавитских лидеров (Хафеза, Басиля и Башара Асадов), в Иране — Аятоллы Хомейни.

Другим ярким проявлением этого «культа» стало открытие в Сааде мавзолея Хусейна ал-Хуси, чьи останки были переданы его близким лишь после событий «арабской весны». Их торжественное захоронение, на котором присутствовали, среди прочих, и официальные лица, состоялось 5 июня 2013 г. близ города Саада (столица одноимённой провинции). Над могилой была возведена довольно скромная усыпальница вполне типичной для Йемена архитектуры (рис. 3). Мавзолей сразу стал местом поклонения хуситов.

Рис. 3. Усыпальница Хусейна ал-Хуси

Согласно йеменской прессе приход к усыпальнице трактовался не только как проявление почтения к усопшему лидеру, но и как знак лояльности движению. Жители Саады, не считающие себя сторонниками хуситов, в разговорах с журналистами выражали обеспокоенность тем, что непосещение могилы ал-Хуси могло быть расценено как политический протест и повлечь за собой репрессии¹.

Представления йеменцев о священных захоронениях неплохо исследованы антропологами, причём именно на материале Северо-Западного

¹ Abulohoom A. Houthi leader laid to rest // Yemen Times. 2013. June 6. Iss. № 1683.

Йемена. Важно отметить существующее здесь представление о *бараке* (божественном благословении), которая может снизойти на окрестности от могилы почтенного человека¹. Захоронения особо почитаемых сеййидов могут получить статус хиджры² — своего рода священного, заповедного места (в более широком смысле хиджра представляет собой институт постановки под защиту племени какого-либо объекта, например человека или рынка)³.

Хотя сеййиды обычно отвергают такие метафизические понятия, как барака, делая упор на «рацио» — изучение Корана, Сунны и исламских законов⁴, при переходе к политической борьбе им пришлось закрыть глаза на «метафизику». Именно соединение современных ценностей и целей политического шиизма с традиционными социально-религиозными паттернами Северо-Западного Йемена, далёкими от «интеллектуального» ислама зейдитской элиты, позволило хуситам создать новый мощный образ своего движения, своеобразный «центр силы», способный даже вдохновлять поэтов:

*О Господин слабых, ты окружил их [врагов],
Больше не правят самодовольство и надменность...
Твоё величие слишком сложно для их понимания*⁵.

Такие строки написал сочувствующий хуситам йеменский поэт Салах Дакак после посещения мавзолея.

Неслучайно, что в первый же месяц саудовской военной операции против хуситов мавзолей ал-Хуси стал целью коалиционной авиации⁶. Этот факт лишний раз подчёркивает то высокое символическое значение, которое имеет могила основателя движения.

¹ Таковыми обычно являются сеййиды. Так, Дреш упоминает, что в 1976 г. между двумя племенами йеменского северо-запада даже разгорелся конфликт из-за того, на чьей территории должен был быть похоронен один почитаемый сеййид. См.: Dresch P. A. Tribes, Government and history in Yemen. Oxford, 1989. P. 166.

² Дреш предполагает, что в доисламской Аравии от коренной основы «х-дж-р» происходил термин, обозначавший святилище, в котором размещался пантеон определённой группы людей, видимо, близкой к племени. См.: Dresch P. Tribes, Government and history in Yemen. Oxford, 1989. P. 146. Более сложную теорию о происхождении этого термина приводит А. В. Коротаев. См.: Коротаев А. В. Социальная история Йемена (X в. до н. э. — XX в. н. э.). Вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: URSS, 2006. С. 128–129.

³ Dresch P. Tribes, Government and history in Yemen. Pp.158–184; Коротаев А. В. Социальная история Йемена (X в. до н. э. — XX в. н. э.). С. 128.

⁴ Ibid. P. 163.

⁵ Al-Khayat M. Houthi Poetry and Songs: Propaganda, Art or Both? // Yemen Times. 2014. December 4.

⁶ Al-Sakkaf N. Bombing Houthi's shrine creates fears of sparking sectarian war. [Электронный ресурс] Middle East Eye // URL: <http://www.middleeasteye.net/news/bombing-houthi-s-shrine-creates-fears-sparking-sectarian-war-2073081343> (дата обращения 23.05.2017).

Праздники

Праздничные дни всегда предоставляют широкий простор для политической активности. Именно в праздники урбанистическое пространство легче всего превратить в поле агитации и/или пропаганды. Более того, праздники часто сами являются инструментом политической борьбы. Йемен в этом смысле не исключение. Расхождения между хуситами и их основными внутривнутриполитическими оппонентами — йеменскими салафитами — обусловили превращение религиозных праздников в такой инструмент. После того как хуситы заняли Сану, двум праздникам был присвоен особый статус.

Ид ал-Гадир — один из важнейших шиитских праздников, отмечающийся 18 зу-л-хиджжа в память о том, что в этот день в 632 г. Пророк назначил Али ибн Аби Талиба¹ своим наследником и преемником.

В 2014 г. Ид ал-Гадир отмечался 13 октября, всего через три недели после взятия хуситами Саны. Повод был использован для проведения массовых народных гуляний и более плотного, чем обычно, заполнения городского пространства хуситской символикой. Лидер движения Абдельмалик ал-Хуси обратился к йеменцам с 50-минутным видеообращением, в ходе которого успел затронуть множество тем, в том числе и политических.

Согласно Шеллагу Веир², ещё в середине 1980-х гг. зейдиты Саады начали особенно активно и публично отмечать Ид ал-Гадир в качестве реакции на распространение салафитских идей. В 1992 г. к празднованию Ид ал-Гадира была даже приурочена смена несколькими племенами своих шейхов³, слишком откровенно поддерживавших ваххабизм⁴. То есть широкое публичное празднование Ид ал-Гадира используется йеменскими зейдитами как форма политического высказывания на протяжении последних 30 лет⁵.

Маулид ан-Наби — День рождения Пророка — другой широко отмечаемый хуситами и их сторонниками праздник. В целом он лишён какой-либо «групповой» принадлежности и отмечается в равной мере и шиитами, и суннитами (в Пакистане, например, он

¹ Двоюродный брат и зять Пророка. Особо почитаем шиитами.

² Британский антрополог, проводившая длительные полевые исследования в районе Разих провинции Саада.

³ Довольно редкий случай для йеменской племенной системы, в которой позиция шейха обычно передаётся по наследству в рамках определённой семьи и подвергается сомнению лишь в случае серьёзного нарушения шейхом племенной этики или интересов племени.

⁴ Weir S. A Tribal Order. Politics and Law in the Mountains of Yemen. London, 2007. P. 298–299.

⁵ В современной истории страны имеются и более ранние примеры политизации этого праздника. Так, ещё имама Яхью (пр. 1918–1948) упрекали в том, что он предпочитает праздновать 1 раджаба (праздник, особенно отмечаемый шафиитами), нежели Ид ал-Гадир. См.: Dresch P. A History of Modern Yemen. P. 47.

является государственным). Однако Маулид с самого его зарождения в XII в. н. э. отрицают радикальные сунниты (из «классиков» — Ибн Таймийа и Ибн Абд ал-Ваххаб), в том числе и современные богословы салафитского толка¹. Таким образом, широкое празднование Маулид ан-Наби является одним из элементов хуситско-салафитской борьбы в Йемене.

Многими йеменцами этот праздник сейчас воспринимается как альтернатива проявлениям не только радикального суннитского ислама, но и западной культурной экспансии. Так, в разговоре с корреспондентом газеты *Yemen Times* один санаанский таксист заявил: «Йеменцы сейчас отмечают День святого Валентина и Рождество... [Но] нет лучшего празднования, чем День Рождения Пророка»². Такое своеобразное осмысление Маулида ан-Наби обусловлено, по всей видимости, не только ускорением глобализационных процессов, но и активной хуситской пропагандой антизападной направленности.

Другая интересная практика, связанная с приёмами политической репрезентации во время праздников, — цветовое оформление городского пространства, где хуситы особое место отводят зелёному цвету. С точки зрения зейдитов, зелёный — это цвет могилы Пророка Мухаммада, а также цвет тюбана, который он носил при жизни. С другой стороны, как отмечает в своей статье Бассам ал-Хамери, белый цвет, традиционно использовавшийся в Йемене без каких-либо политических и конфессиональных коннотаций, в последнее время стал ассоциироваться с салафитским направлением ислама³.

К дням религиозных праздников хуситы развешивают на улицах зелёные ленты и баннеры, перекрашивают в зелёный автомобили и даже здания. В частности, в конце 2014 — начале 2015 г. в зелёный цвет были выкрашены купола ряда санаанских мечетей. Что любопытно, это произошло не только в мечетях напрямую аффилированных с хуситским движением, но и в тех из них, служащие и прихожане которых просто хотели продемонстрировать свою лояльность хуситам⁴. Таким образом, зелёный цвет становится основным цветом хуситов и противопоставляется ими белому цвету, ассоциирующемуся с салафизмом.

¹ Ислам: Энциклопедический словарь. С. 163.

² *Rayes Y. Houthis Paint the Town Green // Yemen Times. 2015. January 1.*

³ *Al-Khameri B. Green or white? Mosques' Colors Signal Religious-Political Affiliation // Yemen Times. 2015. January 8.*

⁴ *Ibid.*

Заключение

Из проведённого анализа практик политической репрезентации, используемых хуситским движением, можно сделать следующие выводы.

1. Формирование основной символической базы хуситского движения заняло 11 лет (с 2002 г., когда была сформулирована сарха, до 2013 г., когда был возведён мавзолей Хусейна ал-Хуси). Характерно, что только после этого, в конце 2013 — 2014 г., хуситы сумели стать доминирующей политической силой в Йемене. Конечно, для этого были и причины экономического, социального, внутри- и внешнеполитического характера, однако свою роль, судя по всему, сыграло и то, что к этому времени в общих чертах завершился процесс формирования идентичности сторонников движения.

2. Значительная часть рассмотренных нами практик репрезентации хуситского движения формировалась как ответ на внешние раздражители, такие как западная экспансия и укрепление в Йемене позиций салафитов. Так, на кредо движения, сарху, решающее влияние оказал исторический контекст: масштабные военные кампании США в Афганистане и Ираке в начале 2000-х гг. убедили ал-Хуси в неокончательности устремлениях американцев. Начало широких празднований Ид ал-Гадира и Маулида ан-Наби явилось ответом одновременно и культурной экспансии Запада и радикальному суннизму, адепты которого предпочитают отмечать другие даты исламского календаря. Даже активное применение хуситами зелёного цвета отчасти является антитезой активному использованию салафитами белого цвета как маркера своего движения.

При этом необходимо понимать, что внешние раздражители были не единственной причиной зарождения движения. Зейдитскому ренессансу, начавшемуся ещё в 1980-х гг., способствовал, как мы видели выше, целый ряд внутренних причин, связанных с социальным и политическим положением йеменской зейдитской общины. Однако внешние факторы сыграли в консолидации зейдитов роль триггера, дали импульс к формированию их новой религиозно-политической идентичности.

3. Практики политической репрезентации хуситского движения тесно связаны с традиционными йеменскими социальными практиками (например, с представлением о бараке, обусловившим превращение мавзолея Хусейна ал-Хуси в место поклонения, с институтами шарафа и ыба, к которым хуситы апеллируют при символическом унижении соперников, и т. д.).

Именно эта связь, по нашему мнению, явилась одной из основных причин успеха хуситского движения. В условиях политического вакуума, в который Йемен погрузился после событий «арабской весны» 2011 г., хуситы оказались ближе и понятнее йеменцам, чем пришедшие к власти реформаторы-либералы, декларировавшие курс на ослабление племенных традиций, и салафиты с их эгалитаризмом и радикальной религиозной идеологией, далёкие от реалий жёстко стратифицированного племенного общества и традиционной йеменской веротерпимости.

Литература

Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. 288 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Новейшая история Йемена (1917–1982) / под общ. ред. О. Г. Герасимова. М.: Наука, 1984. 235 с.

Ислам: Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. 315 с.

Коротяев А. В. Социальная история Йемена (X в. до н. э. — XX в. н. э.). Вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: URSS, 2006. 192 с.

Abulhoom A. Houthi leader laid to rest // Yemen Times. 2013. June 6. Iss. № 1683.

Al-Huthi H. Al-Irhab wa-s-salyam. Б.м., б. г. 13 с.

Al-Huthi H. As-Sarkha fi wajh al-mustakbarin. Б.м., б. г. 10 с.

Al-Huthi H. Khatr dukhul Amrika al-Yaman. Б.м., б. г. 15 с.

Al-Huthi H. Khuturat-al-marhalya. Б.м., б. г. 20 с.

Al-Huthi H. Man nahnu wa man hum. Б.м., б. г. 7 с.

Al-Khameri B. Green or white? Mosques' Colors Signal Religious-Political Affiliation // Yemen Times. 2015. January 8.

Al-Khayat M. Houthi Poetry and Songs: Propaganda, Art or Both? // Yemen Times. 2014. December 4.

Al-Khayat M. Whose Old Sana'a? // Yemen Times. 2014. September, 2.

Al-Sakkaf N. Ali Mohsen's House: A Museum with Houthi Tour Guides // Yemen Times. 2014. November 4.

Dresch P. Tribes, Government and history in Yemen. Oxford, 1989. 441 p.

Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge, 2000. 304 p.

Kohlberg E. Some Zaydi views on the companions of the Prophet // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. Vol. 39. 1976. No. 1. P. 91–98.

Landau-Tasseron E. Zaydi Imams as restorers of religion: ihya and tajdid in Zaydi Literature // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 49. 1990. No. 3 P. 247–249.

Nevola L. Ramadan in Bani Matar // Yemen Times. 2014. July 24.

Rayes Y. Houthis Paint the Town Green // Yemen Times. 2015. January 1. Salmoni B. A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen. The Huthi Phenomenon. RAND Corporation, 2010. 383 p.

Weir S. A Tribal Order. Politics and Law in the Mountains of Yemen. London, 2007. 390 p.

Yemen Observer. 2013. June 15. P. 3.

Yemen Times. 2013. June 17. P. 5.

References

Ankersmit F. (2012). *Politicheskaya Reprezentatsiya* [Political Representation]. Moscow: Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian). 288 p.

Gadamer H.-G. (1988). *Istina i Metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress (in Russian). 704 p.

Gerasimov O. (1984) *Noveyshaya Istoriya Yemena (1917–1982)* [Contemporary History of Yemen (1917–1982)]. Moscow: Nauka (in Russian). 235 p.

Prozorov S. M. (ed.) (1991). *Islam. Entsiklopedicheskiy Slovar* [Islam. The Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Nauka (in Russian). 315 p.

Korotaev A. V. *Sotsialnaya Istoriya Yemena (X v. do n. e. — XX v. n. e.). Vozhdestva i PlemenaSstrany Khashid i Bakil* [The Social History of Yemen (X B.C. — XX A.D.). Chiefdoms and Tribes of the Land of Hashid and Bakil]. Moscow: URSS (in Russian). 192 p.

Al-Huthi H. (non available) *al-Irhab wa-s-salyam* [The Terrorism and The Peace]. Place of publishing is not available (in Arabic). 13 p.

Al-Huthi H. (non available) *as-Sarkha fi wajh al-mustakbarin* [The Scream in the Faces of those who are Arrogant]. Place of publishing is not available (in Arabic). 10 p.

Al-Huthi H. (non available) *Khatr dukhul Amrika al-Yaman* [Danger of American Penetration in Yemen]. Place of publishing is not available (in Arabic). 15 p.

Al-Huthi H. (non available) *Khuturat-al-marhalya* [The Danger of the Period]. Place of publishing is not available (in Arabic). 20 p.

Al-Huthi H. (non available) *Man nahnu wa man hum* [Who are We and Who are They]. Place of publishing is not available (in Arabic). 7 p.

Dresch P. (1989). *Tribes, Government and history in Yemen*. Oxford.

Dresch P. (2000). *A History of Modern Yemen*. Cambridge.

Kohlberg E. (1976). Some Zaydi views on the companions of the Prophet. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 39. No. 1. Pp. 91–98.

Landau-Tasseron E. (1990). *Zaydi Imams as Restorers of Religion: Ihya and Tajdid in Zaydi Literature*. *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 49. No. 3. Pp. 247–249.

Salmoni B. A., Loidolt B., Wells M. (2010). *Regime and Periphery in Northern Yemen. The Huthi Phenomenon*. RAND Corporation.

Weir Sh. (2007). *A Tribal Order. Politics and Law in the Mountains of Yemen*. London.

Yemen Observer (2013). June 15.

Yemen Times (2013). June 17.

PRACTICE OF POLITICAL REPRESENTATION OF HOUTHİ MOVEMENT (HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Timofey A. BOKOV,

postgraduate student, Department
of History of Middle East Countries,
Faculty of Asian and African Studies,
Saint Petersburg State University, third
secretary, the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
(32/34, Smolenskaya-Sennaya Sq.,
Moscow, 119200, Russian Federation).
E-mail: timofejbokov@gmail.com

Abstract. A close connection with traditional north-western Yemeni social patterns of political representation that are used by Houthi Movement is stated on the basis of historical and sociological analysis in the article. It is assumed that this connection has played a significant role in Houthis' recent political achievements. It is noted that the conversion of Houthis into the dominant political force in the country occurred after the formation of Movement's symbolic base, most of which components emerged as a reaction to external stimuli such as neocolonial Western policy and strengthening of the Salafi positions.

Keywords: Yemen, Hussein al-Houthi, Zaidism, Houthism, political Islam.

UDC 329.3

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-2-187-204

